

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8987

EDN: LULNRZ

А. О. ЗЕМЦОВ¹

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ВЫБОР МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И АВТОРИТАРНЫМ ПРАВЛЕНИЕМ В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН: ЕГО ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА¹

Аннотация. Исследование посвящено изучению значимости ценности демократии и авторитарного правления в политическом сознании жителей посткоммунистических стран спустя три десятилетия после демократического транзита. Автор исследует динамику ценности демократии и то, как социально-демографические характеристики, тип политического режима и экономическое развитие страны могут комплексно влиять на одобрение ценности демократии. Также автор анализирует тезис о «кризисе демократии», в частности в посткоммунистических режимах, каковы причины, факторы кризиса и как возможная деконсолидация может отражаться на уровне политической культуры. Исследование строится на базе сравнительных данных массовых опросов проекта “Life in Transition Survey” в 28 посткоммунистических странах за 2006, 2010 и 2016 гг. В самом начале автор отталкивается от теории модернизации и транзитологии — доминирующих подходов в изучении посткоммунистических режимов — и рассматривает их в критической перспективе, выдвигая на их основе три ключевых предположения о влиянии индивидуальных и страновых факторов на ценность демократии.

В работе показано, что уровни поддержки ценности демократии могут существенно варьироваться по странам, однако она является наиболее востребованной в подавляющем числе посткоммунистических обществ

¹ Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает огромную благодарность В.С. Магуну, А.Ю. Мельвилю, М.С. Фабрикант, М.Г. Рудневу, Г.А. Васильеву, редакции журнала и анонимным рецензентам. Некоторые из первых итогов исследования были представлены в тезисах для Всероссийского социологического конгресса 2020 г. [1].

по сравнению с авторитарной альтернативой и абсентеистской позицией. Тем не менее, оставаясь наиболее востребованной, ценность демократии постепенно теряет доминирующие показатели. С помощью многоуровневого порядкового регрессионного анализа автор выявляет устойчивые закономерности: во-первых, чем большим количеством социальных ресурсов обладает индивид, тем он в среднем в большей степени склонен поддерживать ценность демократии, во-вторых, чем менее богата страна, тем выше ценность демократии у ее граждан, и, в-третьих, также фиксируется влияние типа режима на ценность демократии, однако эффекты влияния различаются в разные годы. Эти результаты частично опровергают логику теории модернизации и транзитологии. Автор предлагает свои оригинальные объяснения и интерпретации полученных результатов.

Ключевые слова: демократия; авторитаризм; политическая культура; ценности; посткоммунизм; теория модернизации.

Для цитирования: Земцов А. О. Выбор между демократией и авторитарным правлением в сознании жителей посткоммунистических стран: его факторы и динамика // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 2. С. 73–99. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8987 EDN: LULNRZ

Закат третьей волны демократизации?

В прошлом году исполнилось ровно 30 лет с момента распада СССР. А с начала третьей волны демократизации в бывших посткоммунистических республиках прошло уже более трех десятилетий. За это время был пройден большой путь — от оптимизма романтического «конца истории», знаменующего торжество универсалистского либерально-демократического порядка, до нынешнего пессимизма «конца», или «кризиса», демократии и авторитарных откатов в посткоммунистических режимах, впрочем, не только в них. Политический триумфализм и аутоэротизм либеральной демократии сменяются ощущением катастрофизма и коллективной меланхолией, которыми проникнуты как истеблишмент, так и широкие социальные группы. Достижения проекта посткоммунизма оказались под большим вопросом, как и объяснительные логики демократизации и авторитарных откатов.

Дебаты о глобальном «кризисе демократии» и его причинах стали своего рода *locus communis* для современной политической науки и исследователей, придерживающихся абсолютно разных идеологических ориентаций [13; 17; 25; 27]. В основании кризиса либеральной демократии в посткоммунистических обществах (и не только в них) — констелляция целого ряда причин. Выделим те, по поводу которых, на наш взгляд, есть определенный консенсус. Это — экономическая стагнация, миграционный кризис и проблемы национальной идентичности, девальвация базовых идей и ценностей демократии, трансформация демографической структуры обществ, неудовлетворенность итогами транзита и ощущение того, что все выгоды от него получили лишь элиты, кризис политической репрезентации, глобализация и порождаемые ею проблемы национального суверенитета.

«Кризис демократии» проявляется одновременно на разных уровнях — идеологическом, институциональном, правовом и т. д. Но что происходит с восприятием демократии на уровне политической культуры жителей посткоммунистических режимов? Действительно ли кризис имеет место, или базовое одобрение демократии по-прежнему высокое спустя три десятилетия после демократического транзита?

Замысел этого исследования — изучение значимости ценности демократии в политическом сознании жителей посткоммунистических стран (стран третьей волны демократизации, включая Россию). Волна завершилась, но что в сухом остатке? Что происходит с динамикой этой ценности на протяжении последнего десятилетия? Какие индивидуальные (социально-демографические характеристики) и страновые факторы (тип политического режима, экономическое развитие) могут влиять на значимость этой ценности? Исследование строится на сравнительных данных трех волн (2006, 2010, 2016 гг.) массовых опросов проекта “Life in Transition Survey” (LITS) [13] Европейского банка реконструкции и развития и Всемирного банка в 28 посткоммунистических странах.

Изучению этой проблематики посвящен целый ряд работ, которые включают исследования посткоммунизма. Они ставят похожие вопросы, уделяя большое внимание проблемам влияния коммунистического прошлого на современные режимные трансформации, рыночную экономику, факторы одобрения, удовлетворенности демократией, ее практиками, институтами в посткоммунистических странах [23; 24]. Однако эта традиция не делает акцента на факторе политической культуры, сравнительном эмпирическом изучении ценностей; сами композиции, исследовательская проблематика несколько иные. Тем не менее политические трансформации в посткоммунистических режимах часто объясняются с помощью конвенциональных, универсалистских логик теории модернизации и транзитологии или их модификаций, которые зачастую описывают специфическое развитие скорее старых демократий, чем посткоммунистических обществ.

В данной статье мы проблематизируем эти теоретические рамки, раскладывая их на четыре базовых измерения, констелляция которых формирует общественную динамику: тип политического режима, экономическое развитие, социально-демографические характеристики (личные ресурсы) и ценности (политическая культура). Далее проверяется, как три первых элемента влияют в комплексе на четвертый — ценность демократии у жителей посткоммунистических обществ.

Общие закономерности теории модернизации и транзитологии в контексте исследования посткоммунистических режимов нуждаются в проблематизации и уточнении, так как мы по-прежнему не совсем понимаем, что происходит с ценностью демократии в этих обществах, востребована ли она, какие факторы могут на нее влиять и почему. Отталкиваясь от логики теории модернизации и транзитологии, мы выдвигаем три ключевых предположения — три конкретные гипотезы. Три предположения основаны на трех частях предмета нашего исследования.

Первое предположение — о роли и влиянии индивидуальных факторов (социально-демографических характеристик) на значимость ценности

демократии. Ценность демократии, скорее, характерна для более молодых, более образованных, более экономически обеспеченных и менее религиозных жителей крупных городов. Эти линейные закономерности работают не всегда, но они наиболее устойчивы. Это предположение базируется на логике эволюционной теории модернизации Кристиана Вельцеля [28]. Ее смысл можно свести к следующему: чем большим объемом индивидуальных ресурсов обладает индивид, тем в целом больше его автономия и, соответственно, тем выше приверженность демократии и ее базовым ценностям. Политические ценности (и не только) такого индивида более эмансипативны, соответственно, у него менее выражена ориентация на ценности консервативного полюса. В контексте логики этого подхода и специфики посткоммунистических стран предполагается, что мужчины в среднем будут чуть выше ценить демократию, чем женщины, из-за того, что традиционные модели гендерной социализации еще не до конца утратили свое значение для некоторых посткоммунистических обществ, которые исключают женщин из публичной, политической сферы, а новые демократические институты и практики, способствующие гендерному равенству, еще не выработаны [8]. Это может приводить к большому политическому консерватизму и «настороженности». Однако после успешного транзита и установления инклюзивных институтов такая гендерная асимметрия может сглаживаться.

На основе этого предположения выдвигаем первую гипотезу.

Н1. Социально-демографические характеристики значимо влияют на ценность демократии (*логика эволюционной теории модернизации*). Мужчины в среднем более демократично настроены, чем женщины. Чем ниже возраст и уровень религиозности респондента, тем выше ценность демократии. А также чем выше уровень образования, субъективный доход домохозяйства, тем выше ценность демократии. В среднем респонденты с доступом к Интернету настроены более демократически.

Второе предположение касается влияния экономического развития страны на ценность демократии. Это один из важнейших столпов теории модернизации, «гипотеза Липсета» [15]. Ее идея сводится примерно к следующему: экономическое развитие и экономика в целом первичны, они порождают как демократию (ее качество, стабильность, потенциал развития), так и ценность, запрос на демократию². Иными словами, чем выше экономическое развитие страны и ее жителей, тем

² В «гипотезе Липсета» накопилось изрядное количество концептуальных и технических проблем: путаница между связью и влиянием, выводы, не вытекающие из данных, слабая опора на эмпирику. В частности, не совсем понятно, что в гипотезе идет первым, а что вторым — запрос на демократию или ее установление (или эти процессы параллельны?). Это в высшей степени проблемный вопрос, на который Липсет фактически не отвечает. Но в контексте нашей работы это и не так важно, потому что прежде всего проверяется влияние экономического богатства на ценность демократии.

выше одобрение демократии и ее базовых ценностей. Подтверждение этого предположения — экономическое развитие положительно влияет на базовые демократические ценности — мы находим в работах, например, самого Липсета, Трейсмана, Инглхарта, Бейкера, Вельцеля [9; 10; 22; 26]. Но работает ли эта объяснительная логика для посткоммунистических стран сегодня? Важно подчеркнуть, что мы не будем касаться проблем каузальности демократии и экономического развития, а рассмотрим только влияние экономического развития на ценность демократии.

Н2. Экономическое развитие положительно влияет на ценность демократии («*гипотеза Липсета*»). Чем выше уровень ВВП на душу населения, тем выше ценность демократии. И наоборот, чем ниже уровень ВВП, тем ниже ценность демократии.

Третье предположение — о влиянии типа режима на ценность демократии. В работе проверяется тезис институциональной логики о том, что политический режим с порядками «открытого доступа», или более инклюзивными политическими институтами, положительно влияет на значимость ценности демократии. Иными словами, общества с более демократическими институтами больше ценят демократию. Такое предположение, но без его эмпирической проверки, мы находим, например, в работах Норта и соавторов, работах Асемоглу и Робинсона, а эмпирическое подтверждение — у Мюллера и Селигсона, Далум и Кнатсон [3; 6; 7; 19; 21].

Н3. Тип политического режима положительно влияет на ценность демократии (*институциональная логика*). Чем демократичнее режим, тем выше ценность демократии. И наоборот, чем менее демократичен режим, тем ниже ценность демократии.

Как представляется, есть основания полагать, что устоявшаяся объяснительная логика транзитологии и теории модернизации и их ответвлений может не подтверждаться или работать иным образом. Во-первых, не так много сравнительных количественных работ, которые бы изучали комплексное влияние сразу нескольких факторов (тип режима, экономическое развитие, социально-демографические характеристики) на востребованность демократии в посткоммунистических обществах. Во-вторых, выводы о возможном «кризисе демократии» и факторах ее деконсолидации часто делаются изнутри генезиса старых демократий. В-третьих, многие выводы основаны на единых обще-европейских базах данных, в которых нивелируется специфика посткоммунистических обществ. В данной работе акцентируются именно различия между посткоммунистическими обществами в противовес их рассмотрению как единой группы европейских стран в контексте общего отношения к демократии. В-четвертых, ценность демократии эмпирически измеряется, как правило, «изнутри» самой демократии — от наименьшего одобрения до наибольшего, но без противопоставлений, то есть в массовых опросах индикаторы ценности не включают сравнительный контекст, конфликт, альтернативы этому режиму в рамках

одного индикатора (например, см. блок об отношении к политическим режимам в World Values Survey). И, в-пятых, для анализа используются описательные методы статистики и намного реже — более продвинутые техники анализа.

Данные и методология

Исследование строится на сравнительных данных массовых опросов проекта “Life in Transition Survey” (LITS) по репрезентативной выборке, в работу включены все три его волны за 2006, 2010 и 2016 гг. LITS — амбициозный проект, разработанный Европейским банком реконструкции и развития и Всемирным банком, который изучает экономическое, социальное поведение, трудовые практики, отношение к демократическому транзиту, социально-экономическим преобразованиям через призму массовых опросов. В проекте также есть блок об отношении к демократии и ее ценностям, который и был выбран для анализа. В исследование включены 28 посткоммунистических стран, которые присутствовали в трех волнах исследования: Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдова, Монголия, Польша, Россия, Румыния, Северная Македония, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия и Эстония. Число респондентов для каждой страны из выборки — около 1000 человек (2006 и 2010 гг.) и около 1500 человек (2016 г.). В работе используются взвешенные данные, как и в официальных отчетах проекта LITS.

Анализируется также блок LITS, посвященный ценностям и аттитюдам. Нас интересует общий вопрос, касающийся ценности демократии. Это ключевой индикатор для данного исследования. Приведем его полную формулировку.

«С каким из следующих утверждений Вы согласны в большей степени (With which one of the following statements do you agree most):

- 1) *демократия предпочтительнее любой другой формы политической системы (democracy is preferable to any other form of political system);*
- 2) *при некоторых обстоятельствах авторитарное правление может быть предпочтительнее, чем демократическое (under some circumstances, an authoritarian government may be preferable to a democratic one);*
- 3) *для таких людей, как я, не имеет значения, является ли правление демократическим или авторитарным (for people like me, it does not matter whether a government is democratic or authoritarian) ?».*

Принципиальные преимущества этого вопроса в том, что внутри него представлена альтернатива демократии в виде авторитарной модели правления и есть промежуточный — абсентеистский — вариант, который может выступать, с одной стороны, фильтром для неопределившихся, а с другой — переходным вариантом. Такого вопроса-индикатора, кстати, нет в других похожих массивах, например, в том же World Values Survey (WVS), где одобрение демократии, авторитарного правления и иных режимов — разные индикаторы. Для нашего анали-

за ответы на вопрос перекодируются в порядковую шкалу, где 1 балл присваивается авторитарному правлению, 2 балла — абсентеистскому варианту «не имеет значения» и 3 балла — демократии.

Описательный этап исследования включает сравнение выбранного вопроса-индикатора с помощью корреляции с восемью базовыми либерально-демократическими ценностями из того же блока опроса: законность и порядок, равенство всех граждан перед законом, свободные и честные выборы, свобода слова, равные права для женщин, мир и стабильность, независимость СМИ и сильная политическая оппозиция. Этот набор сопоставим с базовыми составляющими либерально-демократической модели по Роберту Далю [5]. Восемь политических ценностей измерялись с помощью восьми вопросов (4.14, a–h LITS) с одной и той же формулировкой: «В какой степени Вы согласны, что это важно для вашей страны?» (“To what extent do you agree that the following are important for [country]?”). Варианты ответов по всем вопросам ранжировались по пятибалльной шкале — от «абсолютно не согласен» (1) до «абсолютно согласен» (5). В замерах 2006 и 2010 гг. было десять базовых ценностей вместо восьми, но в статье сосредоточимся на сокращенном блоке ценностей, так как он видится более сбалансированным.

Вторая задача описательного этапа работы: сравнение стран — участниц исследования по общим распределениям и средним оценкам с помощью описательных статистик.

Объяснительный этап исследования включает проведение многоуровневого порядкового регрессионного анализа. Зависимой переменной выступает вопрос, измеряющий базовое отношение к демократии. Ответы имеют порядковую шкалу, где 1 — приверженность авторитарному правлению, 2 — «не имеет значения», 3 — приверженность демократии. Для валидации результатов также использовались многоуровневый бинарный, биномиальный и линейный регрессионный анализы. В качестве независимых переменных выступают социально-демографические характеристики (индивидуальный уровень), а также тип политического режима и экономическое развитие (страновой уровень).

Переменные индивидуального уровня

Пол (0 — мужчины, 1 — женщины). Возраст (1 — 18–24 года, 2 — 25–39 лет, 3 — 40–54 года, 4 — 55 лет и старше)³ — из исходной сплошной шкалы возраста переменная была перекодирована в четыре градации. Уровень образования разбивается на пять градаций, это укрупненная версия международной классификации уровней образования ЮНЕСКО, приведенная в LITS (1 — нет образования, начальное образование, 2 — первый этап среднего образования, второй этап среднего образования, 3 — послесреднее нетретичное образование, короткий цикл

³ В 2010 г. градация возраста немного отличалась (1 — 18–24 года, 2 — 25–44 года, 3 — 45–54 года, 4 — 55 лет и старше) из-за отсутствия в базе исходной переменной возраста.

третичного образования, 4 — бакалавриат или его эквивалент, 5 — магистратура, аспирантура, докторантура)⁴. Переменная «доступ к Интернету» перекодирована и укрупнена в две градации, где 0 — «нет Интернета», «не могу себе позволить», «нет по другим причинам», «Интернет недоступен там, где я живу»; 1 — «есть Интернет». Показатель субъективного дохода домохозяйства был взят из самооценок респондентов по 10-балльной шкале и укрупнен до 8 градаций, где 1 — самые бедные, 8 — самые богатые. Переменная «религиозная принадлежность», измеряющая формальную конфессиональную принадлежность, была преобразована в двухбалльную, где 0 — нерелигиозный (атеист, агностик, неверующий) и 1 — религиозный (мусульманин, буддист, иудей, православный, католик, иные христианские конфессии, включая протестантов, и др.).

Градации возраста и уровня образования были закодированы как отдельные дамми-переменные. Субъективный доход закодирован в виде интервальной шкалы; пол, религиозная принадлежность, доступ к Интернету — как номинальные переменные. Варианты «затрудняюсь ответить» и «отказ от ответа» исключались из анализа для всех переменных. К сожалению, многие из интересующих нас индивидуальных переменных (например, этничность или тип занятости, размер населенного пункта) отсутствовали в базе проекта LITS или были неудачно закодированы, поэтому не включались в анализ. Тем не менее в исследовании представлены многие ключевые социально-демографические характеристики.

Переменные странового уровня

Независимыми переменными, измеряющими тип политического режима, являются несколько показателей — Liberal emocrasy index (LDI), Electoral democracy index (EDI) и Regimes of the world (ROW), взятые из проекта “Varieties of Democracy” (V-Dem) исследовательского института Университета Гетеборга⁵. Это уникальная сравнительная база данных, которая содержит десятки индикаторов, измеряющих типы политических режимов, качество институтов, подотчетность, государственность, права и свободы граждан и многие другие показатели для 202 стран с 1789 по 2020 г. За основу индексов, в том числе в данной статье, взяты десятки показателей — экспертные оценки, страновые данные, электоральная статистика, нормативные базы стран, практики правоприменения и т. д.

Для настоящего исследования используются данные трех наиболее релевантных индексов демократии V-Dem за 2006, 2010 и 2016 гг. Ключевой из них — Liberal democracy index, разработанный исследовательской группой Яна Теорелла (см.: [4]). Выбор LDI обоснован тем,

⁴ Градации уровней образования немного различались во всех трех волнах исследования из-за разных моделей исходной кодировки. Подробное описание см. в таблицах регрессионных моделей.

⁵ Varieties of Democracy (V-Dem). — Официальный сайт V-Dem. 2021. Accessed 02.06.2021. URL: <https://www.v-dem.net/en/>

что это один из самых качественных и подходящих для нас индексов V-Dem, измеряющих степень демократичности режима. Структурные составляющие этого индекса — воплощение принципов либеральной демократии, качество прав и свобод граждан, система сдержек и противовесов, ограничения исполнительной власти, верховенство права и электоральные показатели из EDI — в целом соотносятся с набором демократических ценностей из LITS. По сути, LDI измеряет то же самое, но отражает не субъективные оценки граждан, а институциональный уровень. В исследовании используется исходная кодировка V-Dem: от 0 до 1, где 0,00 — наименее демократический режим, а 1 — наиболее демократический режим. Остальные два индекса — Electoral democracy index (EDI) и Regimes of the world (ROW) — необходимы для валидации основного показателя, они также включались в регрессионные модели для перепроверки результатов.

Последняя страновая независимая переменная — ВВП (номинальный) на душу населения в долларах (данные Всемирного банка)⁶ — измеряет экономическое развитие страны. Соответственно, в работе представлены данные ВВП за 2006, 2010 и 2016 гг. Предиктор был преобразован в интервальную переменную. В регрессионных моделях использовался логарифм ВВП.

Демократия и ее альтернативы: описательный анализ

Начнем с описания общих распределений по ключевому вопросу о предпочтительности демократии в сопоставлении с авторитарной альтернативой и вариантом абсентеистского ухода от выбора в этой развилке. На протяжении трех волн исследования демократия является наиболее предпочтительным типом политического режима в посткоммунистических странах (табл. 1). Однако за последние десять лет ее поддержка немного снижается — с 57 до 49%. Тем не менее демократию одобряют около половины респондентов. Спустя десятилетие две альтернативы демократии становятся чуть более востребованными, но их поддерживают примерно по четверти респондентов от общей выборки. Абсентеистская позиция («не имеет значения») востребована у 29% респондентов в 2016 г., этот показатель сохраняется практически без изменений. Авторитарная альтернатива наименее востребована, но за десятилетие ее позиция укрепляется — с 16 до 22%. В целом такие последовательность и динамика показателей фиксируются в большинстве из 28 посткоммунистических стран — участниц исследования.

Ключевой вопрос о ценности демократии сопоставляется с десятью вопросами, измеряющими базовые элементы современной демократической модели (свободные и честные выборы, законность и порядок, свобода слова, мир и стабильность, независимость СМИ, наличие сильной политической оппозиции, судебная система, защищающая

⁶ GDP per capita (current US\$). — The World Bank. 2021. Accessed 10.06.2021. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>

гражданина от злоупотреблений государства, равенство всех граждан перед законом, защита меньшинств и свободный выезд за границу). В последнем замеры (2016 г.) список базовых элементов сокращается до восьми, и он кажется наиболее релевантным. В связи с ограниченным объемом статьи приведем данные только по последней волне, в прошлых замерах результаты сравнения в целом не отличаются.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о ценности демократической модели управления (весь массив — респонденты из 28 стран), %

<i>С каким из следующих утверждений Вы согласны в большей степени?</i>				
Ответы:	2006	2010	2016	
При некоторых обстоятельствах авторитарное правление может быть предпочтительнее, чем демократическое	16	21	22	
Для таких людей, как я, не имеет значения, является ли правление демократическим или авторитарным	27	26	29	
Демократия предпочтительнее любой другой формы политической системы	57	53	49	
N	27 967	26 929	37 482	

Приверженность восьми базовым демократическим ценностям измеряется с помощью одной и той же формулировки вопроса: «В какой степени Вы согласны с тем, что для страны (*название страны*) важно следующее» (например, свободные и честные выборы и т. д.) — и применением одинаковой градации вариантов: 1 — абсолютно не согласен; 2 — не согласен; 3 — ни согласен, ни не согласен; 4 — согласен; 5 — абсолютно согласен. Вариант «затрудняюсь ответить» был исключен.

Из статистических распределений по всем 28 странам за 2006, 2010 и 2016 гг. ценность демократии в целом соотносится с ее базовыми составляющими, базовая ценность демократии положительно связана с ее восемью характеристиками (независимость СМИ, равенство всех граждан перед законом и т. д.), однако связь статистически не очень значимая как по общей выборке, так и для большинства стран по отдельности. В качестве примера приведем одно из статистических распределений с общей выборкой, где ценность демократии сопоставляется с ценностью свободных и честных выборов (рис. 1).

Положительная, но статистически низкая связь ценности демократии и ее восьми составляющих подтверждается и корреляционным анализом (табл. 2). Матрицы сопряженности и корреляционный анализ были выполнены для всех стран из выборки по трем волнам исследования. В целом коэффициенты и направления связи совпали с теми, которые были обнаружены в общем массиве. В подавляющем большинстве стран фиксируется та же значимая, но низкая положительная связь между базовой ценностью демократии и ее составляющими.

Рис. 1. Соотношение показателей ключевого вопроса о ценности демократии и вопроса о ценности свободных и честных выборов, одного из восьми элементов базовых ценностей демократии, 2016 г., %

О чем это может говорить в содержательном плане? Во-первых, вопросы о ценности демократии и ее характеристиках несколько различаются по форме. С одной стороны, в «экспертных» характеристиках демократии нет самого слова «демократия» в отличие от базового вопроса. С другой стороны, различаются шкалы вопросов (трехбалльная — в первом вопросе, пятибалльная — в характеристиках демократии). Также базовый вопрос предлагает содержательно разные альтернативы (демократия, авторитаризм, абсентеизм), а характеристики демократии измеряют степень поддержки одного и того же свойства (например, важность свободы слова для страны — от «абсолютно согласен» до «абсолютно не согласен»). Во-вторых, как представляется, в политическом сознании респондентов ценность демократии слабо связана с ее базовыми характеристиками, как бы спущенными «сверху» экспертами, поскольку она имеет самостоятельное значение, дополнительный смысл, выходящий за пределы экспертной рамки. Иными словами, экспертное понимание демократии может отличаться от обыденного. В сознании людей демократия может представляться определенной мечтой, желаемым общественным благом, социально приемлемой нормой. И при сопоставлении этой ценности с ее конвенциональными характеристиками от экспертов добавочный смысл феномена теряется, что и показывает корреляционный анализ.

Таблица 2

**Значения коэффициентов корреляции Спирмена
между обобщенной ценностью демократии
и значимостью отдельных компонентов демократии**

Цен- ность	Компоненты демократии							
	сво- бодные и чест- ные выборы	за- кон- ность и по- рядок	сво- бода слова	мир и стабиль- ность	неза- виси- мость СМИ	сильная оппозиция в поли- тической сфере	равен- ство всех граждан перед законом	равные права для женщин
Демо- кратия	0,104	0,086	0,103	0,073	0,083	0,078	0,078	0,077
N	34457	36418	36889	37120	36495	35814	36680	36932

Приверженность демократии у респондентов из разных стран и по разным замерам может существенно варьироваться (табл. 3). Ценность демократии, как и отношение к ее альтернативам, не является константой. По данным за 2016 г., жители Узбекистана, Армении, Северной Македонии и Таджикистана ценят демократию выше, чем респонденты из других стран. Россия входит в пятерку стран с наименьшей приверженностью этой ценности. Сопоставимые с ней показатели имеют Словакия, Словения, Сербия, Беларусь и Азербайджан. В этих странах наиболее востребован абсентеистский выход.

Тем не менее в большинстве стран респонденты предпочитают демократическую модель абсентеистскому выходу (он на втором месте) и авторитарной альтернативе (на третьем месте). Однако, как отмечалось, за эти десять лет приверженность ценности демократии постепенно снижается: одобрение этой ценности ниже 50% в 2006 г. только у шести стран, в 2010 г. — у 12, а в 2016 г. — уже у 16 стран. Практически во всех странах и по всем волнам исследования одобрение демократии — наиболее востребованная позиция с тем или иным перевесом. Кроме того, как показывают описательные статистики, в посткоммунистических и постсоветских обществах (по 14 стран в каждой подгруппе) показатель ценности демократии примерно одинаковый на протяжении всех трех волн исследования.

Стоит отметить, что во всех трех волнах исследования уровень поддержки ценности демократии (табл. 3) может абсолютно не совпадать с фактической степенью демократичности режима и экономическим развитием стран — участниц исследования. Показатели степени поддержки демократии могут быть примерно одинаково высокими в странах Центральной Азии и Центральной Европы (например, кейсы Узбекистана и Венгрии) или, напротив, парадоксально низкими в относительно успешных демократиях (например, кейсы Словении, Словакии и Литвы).

Таблица 3

Распределения ответов на вопрос об обобщенной ценности демократии в 28 странах (страны сортированы по отношению к демократии за 2016 г.), %

Страна	С каким из следующих утверждений Вы согласны в большей степени?								
	2006			2010			2016		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Узбекистан	12	20	68	9	17	74	13	12	75
Северная Македония	17	34	49	13	32	55	13	16	71
Армения	13	40	47	3	21	76	6	26	68
Таджикистан	15	23	62	10	14	76	12	20	68
Венгрия	13	25	62	20	26	54	14	26	60
Черногория	9	17	74	11	21	68	15	27	58
Албания	10	22	68	30	14	56	29	16	55
Монголия	20	10	70	15	20	65	29	16	55
Киргизия	20	21	59	36	18	46	23	24	53
Эстония	11	29	60	16	28	56	17	31	52
Румыния	26	23	51	29	27	44	23	26	51
Грузия	11	31	58	8	21	71	12	38	50
Казахстан	22	28	50	21	20	59	25	26	49
Польша	17	28	55	27	27	46	24	27	49
Босния и Герцеговина	20	19	61	22	36	42	26	27	47
Хорватия	15	31	54	18	33	49	26	27	47
Чехия	17	23	60	25	23	52	25	26	46
Украина	23	21	56	29	30	41	33	22	45
Болгария	18	37	45	22	31	47	24	33	43
Латвия	19	25	56	37	24	39	28	31	41
Молдова	19	31	50	22	25	53	25	34	41
Литва	10	38	52	22	35	43	21	39	40
Словакия	14	19	67	26	27	47	28	35	37
Сербия	14	38	48	22	40	38	24	40	36
Беларусь	17	29	54	23	18	59	29	36	35
Россия	32	32	36	32	30	38	34	31	35
Словения	8	26	66	17	28	55	16	51	33
Азербайджан	9	43	48	11	28	61	10	66	24
N	27 967			26 929			37 482		

Примечание: 1 — при некоторых обстоятельствах авторитарное правление может быть предпочтительнее, чем демократическое; 2 — для таких людей, как я, не имеет значения, является ли правление демократическим или авторитарным; 3 — демократия предпочтительнее любой другой формы политической системы.

В сравнительном контексте Россия не является исключением. Она не отделяется от соседей, вписываясь во все три линии тренда: соотношения ВВП на душу населения (в долларах) и ценности демократии (рис. 2); режима (LDI) и ценности демократии (рис. 3); ВВП на душу населения и режима (LDI) (рис. 4). Тем не менее у России есть по крайней мере две особенности, которые выделяют ее на фоне других стран. Во-первых, на протяжении трех волн исследования в России устойчиво сохраняются три примерно равные по численности группы: проавторитарная, продемократическая и абсентеисты (каждая составляет примерно треть от выборки). В других посткоммунистических обществах иная композиция: сначала идет продемократическая позиция, абсентеисты и затем проавторитарная. Это устойчивая последовательность, меняются только пропорции. Во-вторых, на протяжении всех трех волн у России наблюдаются самые низкие значения (или одни из самых низких) ценности демократии и самые высокие показатели (или одни из самых высоких) ценности авторитарного правления. Здесь может быть несколько причин. Во-первых, до середины 2010-х годов Россия была относительно успешным примером авторитарного правления, до конца нулевых годов она демонстрировала быстрый экономический рост, гарантирующий благосостояние и стабильность широким социальным группам. Во-вторых, в политическом сознании россиян ценности демократии были существенно дискредитированы травматичными для общества реформами, последствиями не очень успешного демократического транзита в 1990-е гг.

В контексте данной работы логика двух объяснительных моделей — «гипотезы Липсета» (первое предположение) и институциональной гипотезы (второе предположение) — начинает немного распадаться. Исходя из наших данных, высокая степень демократичности режима и значительный уровень экономического благосостояния его граждан не всегда соотносятся с высокими показателями ценности демократии.

Анализируя соотношение средних оценок демократии и уровня ВВП на душу населения за 2016 г. (рис. 2), можно сделать вывод об обратной связи: чем ниже ВВП на душу населения, тем у граждан страны в среднем выше ценность демократии. Этот вывод противоречит логике «гипотезы Липсета», согласно которой чем выше экономическое развитие страны, тем выше ценность демократии у ее граждан.

Исходя из соотношения средних показателей ценности демократии и данных индекса демократии LDI по всем странам из выборки за 2016 г. (рис. 3), можно сделать вывод, что субъективные оценки демократии чаще всего не связаны с фактической степенью демократичности режима, по данным индекса V-Dem. Более того, наблюдается обратная взаимосвязь: чем ниже фактическая демократичность режима, тем выше субъективная ценность демократии. Этот вывод противоположен институциональной логике, которую можно свести примерно к следующему: чем демократичнее институты, тем выше ценность демократии.

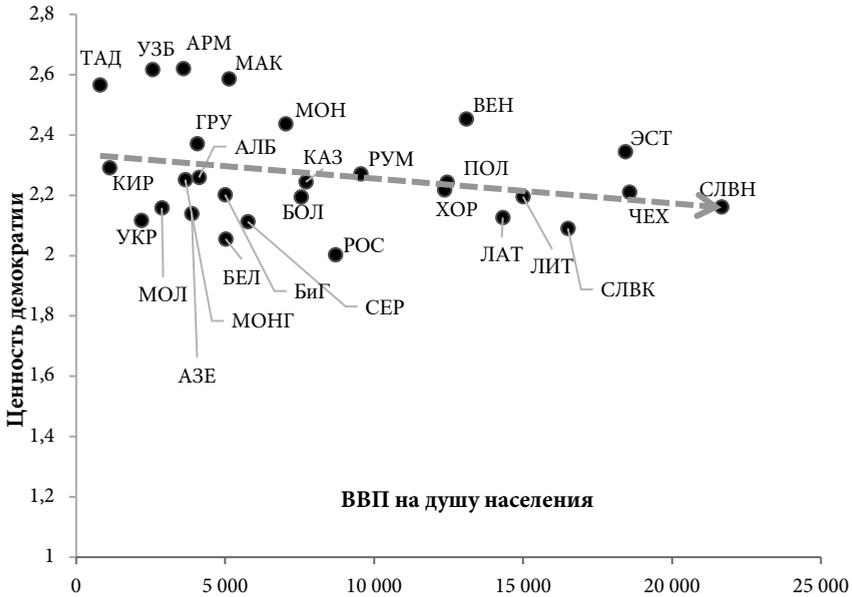

Рис. 2. Соотношение показателей ценности демократии (LITS) и ВВП на душу населения в долларах по текущему курсу (ВБ), 2016 г.

Примечание: На рисунке указаны средние оценки ценности демократии от 0 до 3, где 0 — самая низкая оценка демократии, 3 — самая высокая оценка демократии.

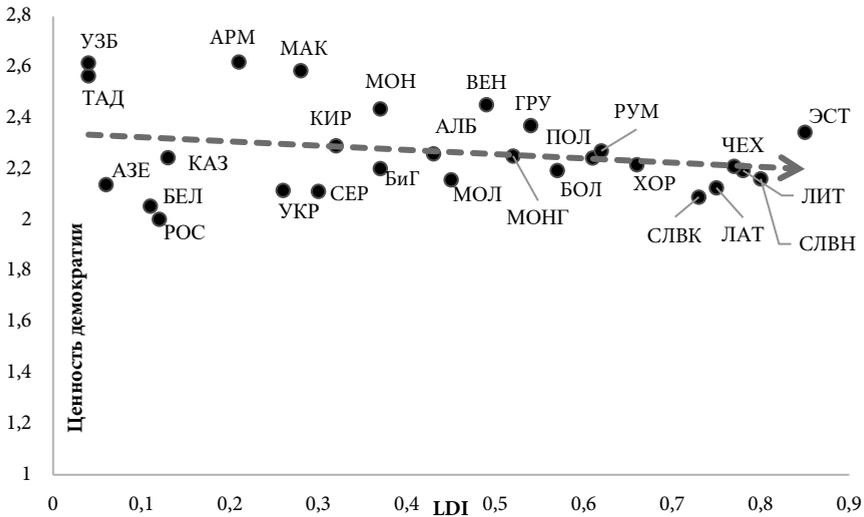

Рис. 3. Соотношение показателей ценности демократии и индекса демократии LDI, 2016 г.

Примечание: На рисунке указаны средние оценки ценности демократии от 0 до 3, где 0 — самая низкая оценка демократии, 3 — самая высокая оценка демократии.

Если не принимать во внимание ценностный уровень, то соотношение фактической степени демократии по данным индекса LDI и уровня экономического развития по ВВП на душу населения демонстрирует классическую положительную связь между ними: чем выше степень демократии в стране, тем выше ее экономическое развитие, и наоборот (рис. 4). Здесь нет никаких неожиданностей: посткоммунистические страны подтверждают логику теории модернизации о взаимосвязи политического режима и экономического развития. Однако при включении третьего измерения — ценностной оси «базовое одобрение демократии» — картина немного видоизменяется.

Опираясь на наши данные, как объяснить феномен того, что ценность демократии в среднем выше в менее демократических и менее экономически развитых странах? Отметим, что это только результаты описательных статистик первого этапа исследования. Их необходимо проверить и дополнить с помощью регрессионного анализа, дающего более валидные оценки.

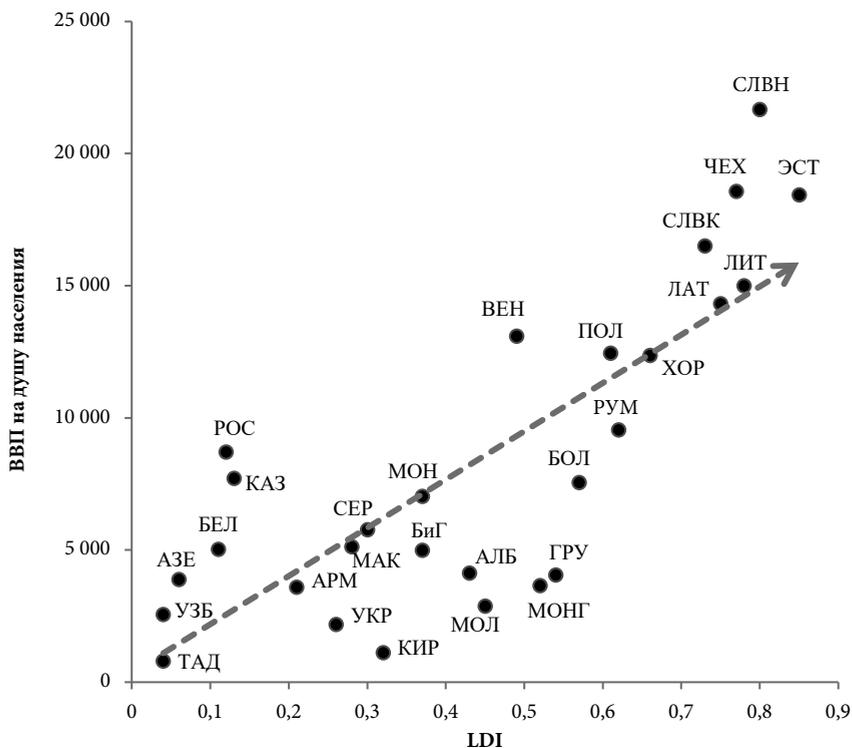

Рис. 4. Соотношение индекса демократии LDI и ВВП на душу населения, 2016 г.

Факторы приверженности демократии: регрессионный анализ

Для изучения влияния экономического развития, типа политического режима (страновой уровень) и социально-демографических характери-

стик (индивидуальный уровень) на ценность демократии в посткоммунистических странах был использован многоуровневый порядковый регрессионный анализ. Регрессионные модели были построены для всех трех волн исследования, что дает возможность сделать выводы об устойчивых регрессионных эффектах (см. результаты за 2006, 2010 и 2016 гг. в таблице 4). Для валидации результатов также применялись многоуровневый бинарный и многоуровневый биномиальный регрессионный анализы. Однако ключевыми стали именно порядковые модели, так как они точнее отражают содержание, смысл зависимой переменной.

Начнем с рассмотрения предикторов индивидуального уровня. Социально-демографические характеристики показали в целом значимые и устойчивые эффекты во всех трех волнах исследования на протяжении десяти лет. Пол значимо влияет: в целом мужчины, скорее, склонны придерживаться ценности демократии (в двух волнах из трех). Возраст положительно влияет: в среднем чем моложе респонденты, тем выше их приверженность демократии. Образование положительно влияет: чем выше уровень формального образования респондента, тем в среднем выше ценность демократии. Субъективный доход домохозяйства положительно влияет: чем он выше, тем выше ценность демократии. Религиозная принадлежность показывает противоречивые эффекты: в 2006 и 2010 гг. они вообще отсутствуют, а в 2016 г. уже религиозные индивиды выше ценят демократию. Наличие Интернета положительно влияет на большую ценность демократии на протяжении трех волн исследования.

Результаты регрессионного анализа подтверждают логику эволюционной теории модернизации (первое предположение), то есть чем больше у индивида ресурсов (социальных, экономических), тем в среднем выше его приверженность ценности демократии. Логика этой теории в основном использовалась для старых демократий Запада, однако она может быть применима и для стран посткоммунистического пространства.

Рассмотрим предикторы странового уровня. Экономическое развитие, измеряемое с помощью логарифма ВВП на душу населения по номиналу в долларах США, дает много значимых эффектов (табл. 4). Чем ниже уровень ВВП на душу населения, тем выше ценность демократии. Это устойчивый результат, полученный во всех трех волнах исследования. Однако в 2006 г. этот эффект работал только в комплексе со страновой переменной «тип режима», а в 2010 и 2016 гг. — уже отдельно от него. Таким образом, логика «гипотезы Липсета» (второе предположение) не подтверждается для посткоммунистических обществ, скорее, здесь работает обратная логика. Важно отметить, что страновые предикторы — «тип режима» и «экономическое развитие» — тестировались на мультиколлинеарность с помощью показателя VIF (variance inflation factor, фактор инфляции вариации), потому что часто эти переменные сильно коррелируют между собой, ломая качество моделей. В наших же моделях значения VIF для режима и ВВП на душу населения были допустимыми. Это позволяет включать в модели одновременно два предиктора.

Таблица 4
Результаты многоуровневого порядкового регрессионного анализа за 2006, 2010 и 2016 гг., зависимая переменная — ответы респондентов на вопрос о ценности демократии

Независимые переменные	Зависимая переменная								
	2006			2010			2016		
	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7	M8	M9
Индивидуальный уровень (социально-демографические характеристики)									
Пол (мужчины — 0, женщины — 1)	-0.131***	-0.131***	-0.131***	-0.091***	-0.091***	-0.091***	-0.030	-0.030	-0.030
Возраст (контрольная группа: 55 лет и старше)									
18–24 года	0.094	0.095	0.094	0.175***	0.174***	0.174***	0.150***	0.150***	0.149***
25–39 лет (25–44 года для 2010 г.)	0.124***	0.125***	0.124***	0.102**	0.102**	0.102**	0.029	0.030	0.029
40–54 года (45–54 года для 2010 г.)	0.129***	0.130***	0.130***	0.097**	0.097**	0.097**	0.063*	0.063*	0.063*
Образование (контрольная группа: высшее образование, ученая степень; для 2006 г. — бакалавриат или его эквивалент)									
Нет образования, первый этап начального образования	-0.543***	-0.545***	-0.545***	-0.445***	-0.443***	-0.443***	-0.575***	-0.576***	-0.575***
Начальное образование	-0.315***	-0.315***	-0.314***	-0.327***	-0.325***	-0.326***	-0.447***	-0.447***	-0.447***
Профессиональное образование	-0.293***	-0.295***	-0.294***	-0.210***	-0.209**	-0.209**	-0.289***	-0.289***	-0.289***
Бакалавриат или его эквивалент				-0.106	-0.105	-0.105	-0.047	-0.047	-0.047
Субъективный доход домохозяйства по шкале от 1 (самые бедные) до 8 (самые богатые)	0.075***	0.075***	0.075***	0.051***	0.051***	0.051***	0.026***	0.026***	0.026***
Религиозная принадлежность (нерелигиозен — 0, религиозен — 1)	0.014	0.017	0.016	0.029	0.0289	0.028	0.097*	0.098*	0.097*

Независимые переменные	Зависимая переменная											
	2006			2010			2016					
	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7	M8	M9	M10	M11	M12
Наличие Интернета (0 — нет, 1 — есть)	0.245***	0.241***	0.244***	0.152***	-0.152***	0.153***	0.146***	0.146***	0.146***	0.146***	0.146***	0.146***
Страновой уровень												
Логарифм ВВП на душу населения по номиналу в долларах США (WB)	-0.020		-0.171*	-0.247*		-0.150	-0.190*					-0.192
Liberal democracy index (V-Dem)		0.313	0.811*		-0.815*	-0.475						0.010
N (первый уровень — число респондентов)	27570	27570	27570	26072	26072	26072	32280	32280	32280	32280	32280	32280
N (второй уровень — число стран)	28	28	28	28	28	28	28	28	28	28	28	28
AIC	52161.22	52159.63	52157.63	50925.41	50925.53	50926.27	64870.73	64870.73	64870.73	64870.73	64870.73	64871.19

Примечание: * — значимость на уровне 0,05; ** — значимость на уровне 0,01; *** — значимость на уровне 0,001.

Второй предиктор странового уровня — «тип политического режима», измеряемый с помощью индекса либеральной демократии LDI, имеет значимые эффекты в двух волнах из трех (табл. 4). По данным за 2006 г., чем выше фактическая степень демократичности режима, тем выше ценность демократии (эффект работает только в комплексе с ВВП). Однако в следующем замере (2010 г.) фиксируется обратный эффект: чем ниже демократичность режима, тем выше ценность демократии (эффект значим при исключении ВВП). В 2016 г. любая значимость этого фактора пропадает. Для валидизации анализа вместо индекса LDI в модели включались поочередно другие индексы демократии — EDI и ROW. Результаты в целом были сопоставимыми. Таким образом, в нашем исследовании институциональная логика (третье предположение) работает очень противоречиво для посткоммунистических стран. О возможных причинах смены эффектов поговорим ниже.

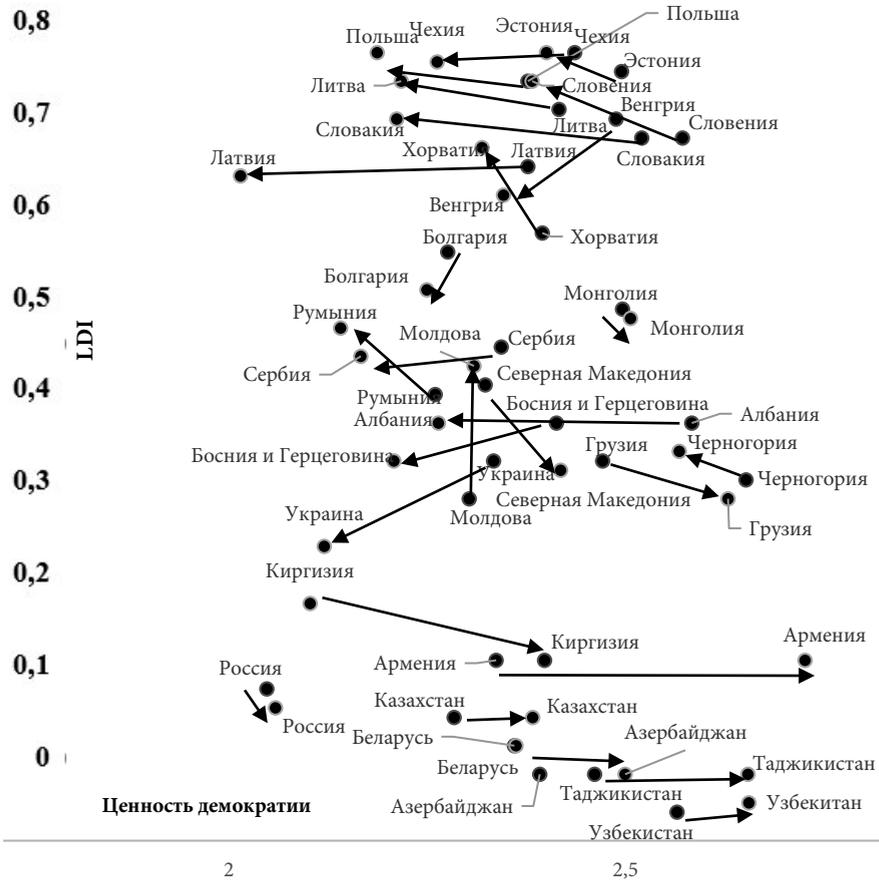

Рис. 5. Динамика показателей ценности демократии и индекса LDI в 2006 и 2010 гг.

Загадки демократии

Подведем основные итоги исследования и перейдем к их интерпретации. Несмотря на так называемый «кризис демократии», в политической культуре жителей 28 посткоммунистических стран на протяжении всех трех волн исследования LITS демократия является наиболее предпочтительным типом режима в сравнении с абсентеистской позицией (второе место) и авторитарной альтернативой (третье место). Такая приоритетность характерна для большинства стран. Однако спустя десять лет во многих странах из нашей выборки ценность демократии, оставаясь наиболее востребованной, постепенно теряет доминирующую роль. Одобрение демократии уже не является безусловной, консенсусной позицией, разделяемой в посткоммунистических обществах. В 2016 г. показатели демократии ниже 50% в более чем половине посткоммунистических стран.

Как показал описательный анализ, в политическом сознании жителей посткоммунистических стран базовая ценность демократии слабо связана с ее конвенциональными характеристиками. Это может быть объяснено тем, что феномен ценности демократии имеет самостоятельный, добавочный смысл, который не считается в экспертных рамках и классификациях. Демократия в сознании людей может представляться политической мечтой, желанием, добродетелью, императивом, который вовсе не обязательно должен быть связан с экспертным, академическим пониманием демократии как политического режима, для которого характерен определенный набор институтов и практик. Проблеме понимания демократии должно быть посвящено отдельное исследование.

В ходе многоуровневого порядкового регрессионного анализа на трех волнах LITS за 2006, 2010 и 2016 гг. были выявлены значимые и устойчивые эффекты влияния социально-демографических характеристик (индивидуальный уровень), типа политического режима и экономического развития (страновой уровень) на ценность демократии. Эти результаты совпадают и с итогами описательной части анализа.

В целом подтверждается первая гипотеза исследования (первое предположение), за которым стоит тезис эволюционной теории модернизации Кристиана Вельцеля: чем большим количеством социальных, экономических ресурсов обладает индивид, тем он в среднем более склонен поддерживать демократию, которая, как он полагает, в наибольшей степени защищает его права и свободы, автономию. Эта объяснительная логика может адекватно работать и для посткоммунистических обществ.

Однако для странового уровня работает иная логика. Уровень экономического развития, измеряемый с помощью ВВП на душу населения, влияет на ценность демократии: чем этот уровень ниже, тем выше ценность демократии. Таким образом, второе предположение — «гипотеза Липсета» — не подтверждается. В контексте исследования для посткоммунистических стран характерна противоположная логика. То есть на страновом уровне демократию ценят жители менее благополучных стран, однако на индивидуальном уровне, внутри отдельной

страны у ее граждан уже появляются различия — более благополучные ценят демократию выше. В данном случае работает логика эволюционной теории модернизации из первого предположения.

Тип политического режима дает противоречивые результаты. В 2006 г. — чем выше демократичность режима, тем выше ценность демократии, однако этот эффект значим только в сочетании с экономическим развитием. В 2010 г. — обратная логика: чем ниже фактическая демократичность режима, тем выше ценность демократии. В 2016 г. любые значимые эффекты пропадают. Таким образом, третья гипотеза — институциональное предположение — практически не подтверждается, однако иную устойчивую закономерность сложно выделить. И это является одним из самых интересных парадоксов исследования.

Результаты исследования ставят под сомнение некоторые универсалистские, линейно-стадиальные позиции из логики теорий модернизации и транзитологии — объяснительных моделей для посткоммунистических стран. Это требует создания новых теорий — цель, явно выходящая за рамки данной работы. Мы можем лишь предложить несколько своих интерпретаций, отвечая на две ключевые проблемы.

Почему менее богатые посткоммунистические страны выше ценят демократию?

В политическом сознании жителей посткоммунистических стран может работать своего рода обыденная теория (lay theory) о влияниях экономики и политики (авторитарное vs демократическое устройство). Согласно их логике, для улучшения своего экономического положения необходимы сначала политические преобразования. То есть на уровне обыденного сознания эти люди мыслят вовсе не по Липсету, а, скорее, по Асемоглу и Робинсону, считая, что демократия порождает экономическое богатство, а не наоборот. Демократия для них может выступать своего рода способом, инструментом решения социальных, экономических проблем, ликвидации бедности, экономического неравенства. Демократия — как универсальный пропуск в лучшую жизнь, притягательное и далекое благо, которого стремятся достичь, ведь более богатые страны в подавляющем большинстве являются демократиями, «значит, и нам нужно к этому стремиться». Это согласуется с выводом Миллера о том, что в сознании людей «демократия представляется механизмом экономического процветания» [16]. И чем беднее страна, тем большую ценность приобретает демократия. Здесь может работать логика потребности и дефицита. Благодаря усиливающемуся демонстрационному эффекту (глобализация, новые медиа, развитие телекоммуникационных технологий) эта ценность может быть еще более востребованной.

В этом контексте интересно рассмотреть кризис 2008 г. и реакцию посткоммунистических обществ на него. Жители более богатых и более демократических стран причиной кризисных явлений 2008 г. видят как раз демократию (текущий для них status quo), которая и привела к «великой рецессии». Если посмотреть данные LITS, ценность демократии существенно падает именно в этих обществах. А более бедные и неде-

мократические страны причиной кризиса видят отсутствие демократии. Возможно, поэтому одни — более успешные — хотят найти ей новые альтернативы, потому что она не спасла от кризиса, другие — наименее успешные, — наоборот, хотят ее заимствовать для преодоления кризиса. Иными словами, логику дефицита можно представить так: если демократии «много», ее нужно уменьшить, а если «мало» — увеличить.

Почему тип режима влияет на ценность демократии в разные годы по-разному?

Предположительно здесь работает сочетание нескольких факторов. Изначально жители более демократических и одновременно более бедных стран выше ценили демократию (2006 г.), так как на тот момент все еще сохранялся ее романтический флер; для них демократия была идеалом, благом, которое посчастливилось заимствовать после стольких лет ожиданий и которое наконец-то приведет общества к процветанию, нужно только немного подождать.

Однако романтический флер для этой группы стран рассеялся, и постепенно стали всплывать многие проблемы: порой имитационный, подражательный характер демократии, проблемы национальной идентичности, суверенитета, кризис политической репрезентации, общая неудовлетворенность итогами демократического транзита. Экономический кризис 2008 г. обнажил эти проблемы явным образом. Он приходится на время между волнами 2006 и 2010 гг. В 2010 г. ценность демократии существенно падает в более богатых и демократических странах (Эстония, Чехия, Польша и др.), а в менее богатых и менее демократических — повышается (Азербайджан, Киргизия, Армения и др.) или остается в целом на прежних позициях (рис. 5). При этом показатели LDI по странам существенно не изменяются. То есть население более демократических стран, увидев, что демократия не всегда работает, скорее всего, в ней разочаровывается, ища альтернативы, или относится к ней теперь более критично. А в более авторитарных странах, напротив, начинают больше нуждаться в демократии как в альтернативе авторитарного правления, в инструменте решения многих проблем.

Но в 2016 г. влияние типа режима на ценность демократии исчезает. То есть и менее, и более демократические посткоммунистические страны в среднем одинаково ценят демократию, эффект второй волны пропадает. С чем это может быть связано? Слабую конгруэнтность между режимом и политической культурой может объяснять «парадокс демократии» [18] — феномен высоких показателей одобрения демократии в авторитарных режимах и сравнительно низкое ее одобрение в демократических. Она может быть одинаково желательной и там и там, но понимание демократии может различаться у жителей разных стран. В недемократических режимах это понимание авторитарное, с ориентацией на государственный патернализм, жесткий контроль; в демократических же оно либеральное, за которым стоит эмансипативное ядро ценностей [11; 29].

Немного иное объяснение заключается в том, что в более авторитарных режимах высокая ценность демократии может являться социально приемлемой нормой, конформным одобрением. Чем оно выше, тем сильнее авторитарные тенденции режима. Это своего рода эффект «фальсификации предпочтений» Тимура Курана [12]. Ведь даже для самых закрытых автократий важно символическое приобщение к демократическим институтам и практикам, легитимирующим авторитарное господство. Кроме этого, демократия на уровне обыденной идеологии людей может пониматься как синоним государства, политической системы, власти, а не как отдельный тип политического режима. Все эти категории могут смешиваться в сознании респондентов. И чем более авторитарный режим, тем выше поддержка *государства-демократии-власти-системы*.

А в более демократических режимах невысокие или сопоставимые с автократиями показатели ценности демократии могут объясняться, с одной стороны, рутинизацией демократии, частичным разочарованием в ней (благо, но не универсальный ключ от всех бед), а с другой — эффектом «критических граждан» [20]: население установившейся демократии может ее ценить, одобрять базовые идеи, но оно более информировано и, как следствие, требовательно к их воплощению и уровню эффективности. Таким образом, противоположные мотивации, факторы (не)одобрения для более и менее демократических режимов могут объяснять феномены изменения эффектов влияния режима на ценность демократии и отсутствия значимых эффектов в 2016 г. (то есть сопоставимых оценок одобрения ценности демократии в авторитарных и демократических режимах). Однако эти предположения, интерпретации не являются для нас окончательными. Здесь мы стараемся зафиксировать не окончательный ответ на вопрос об изменениях влияния типа режима на ценность демократии, а определенный парадокс, поле для загадки, которую для начала нужно правильно сформулировать. Перефразируя Эрнста Юнгера [2], необходимо «умело расставить силки, чтобы загнать в них дичь, важно увидеть не решение, а саму загадку».

Отвечая на три ключевых вопроса данной работы и тем самым расширяя границы знания о посткоммунистических обществах, мы в то же время порожаем череду новых вопросов, которые увеличиваются в геометрической прогрессии, как и сфера не до конца понятой фундаментальной логики политических процессов в посткоммунистических режимах. Необходимы дальнейшие исследования влияния страновых и индивидуальных факторов на демократические ценности, работа с новыми массивами данных, включение новых стран, вскрытие с помощью качественных методов субъективных смыслов и пониманий демократии у жителей посткоммунистических режимов, исследование проблем каузальности между политикой, экономикой и ценностями, а также решение многих других вопросов. Сейчас мы остро нуждаемся в создании новых объяснительных концепций и теорий.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ⁷

1. *Земцов А.О.* Ценность демократии в политическом сознании населения постсоциалистических стран и факторы, влияющие на ее значимость // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 1519–1523 [электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD-ROM). DOI: 10.19181/kongress.2020.186 EDN: XSWVSY
2. *Юнгер Э.* Сердце искателя приключений / Пер. с нем. А.В. Михайловского. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. — 292 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Земцов Артем Олегович — преподаватель, департамент политики и управления науки, факультет социальных наук; стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных исследований массового сознания Экспертного института, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (903) 543–78–27.
Электронная почта: artyom.zemtsov@gmail.com

Дата поступления: 09.07.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2022.
VOL. 28. No. 2. P. 73–99. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8987

Research Article

АРТЮМ О. ЗЕМТОВ¹

¹ HSE University.

20, Myasnitckaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

**THE CHOICE BETWEEN DEMOCRACY AND AUTHORITARIAN GOVERNMENT
IN THE MINDS OF CITIZENS OF POST-COMMUNIST COUNTRIES:
FACTORS AND DYNAMICS**

Abstract. This paper is dedicated to studying the value of democracy and authoritarian government in the political consciousness of citizens of post-communist countries three decades after the democratic transition. The author primarily examines the dynamics of said value and the complex ways in which a country's socio-demographic characteristics, political regime type and economic development can impact their acceptance of democratic values. The author also analyzes such a thesis as "crisis of democracy", particularly in post-communist regimes, what sort of causes, factors lie at the bottom this crisis and how potential deconsolidation can affect political culture. The study is built on comparative data from surveys by project "Life in Transition Survey", which was conducted in 28 post-communist countries in 2006, 2010 and 2016. In the beginning the author's reasoning is rooted in modernization theory and transitology — the most prevalent approaches in the study of post-communist regimes — with them being

⁷ Полный список источников см. в References.

examined in critical light, and used as a foundation to put forward three key theses on the effect of individual and national factors on the value of democracy.

The study shows that levels of support for democracy can vary significantly from country to country. Regardless, it is in higher demand in the vast majority of post-communist societies compared to the authoritarian alternative and the absentee position. However, while continuing to be the most sought after, democracy's value rating is deteriorating. With the help of multi-level ordinal regression analysis, the author was able to identify certain stable patterns: first of all, the more social resources people possess — the more inclined they are to maintain the value of democracy, secondly, the less economically developed a country — the higher the value of democracy among its citizens, thirdly, regime type does influence the value of democracy, but the effects of such influence vary from year to year. Nevertheless, these results in part disprove the logic of modernization theory and transitology. The author offers his own original explanations and interpretations of the results.

Keywords: democracy; autocracy; political culture; values; post-communism; theory of modernization; transitology.

For citation: Zemtsov, A.O. The Choice between Democracy and Authoritarian Government in the Minds of Citizens of Post-Communist Countries: Factors and Dynamics. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 73–99. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.2.8987

REFERENCES

- Zemtsov A.O. The value of democracy in the political consciousness of the population of post-socialist countries and the factors influencing its significance. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razviti regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.)*. [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions: Collection of Reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020).] Ed. by V.A. Mansurov, E.Yu. Ivanova. Moscow: ROS publ.; FNISs RAN publ., 2020. P. 1519–1523. DOI: 10.19181/kongress.2020.186 (In Russ.)
- Yunger E. The Adventurous Heart. [Russ. ed.: *Serdse iskatel'ya priklyuchenii*. Tranl. from Germ. by A.V. Mikhailovskiy. 2nd ed. Moscow: Ad Marginem Press publ., 2021. 292 p.
- Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. N.Y.: Crown Publishers, 2012. 571 p. DOI: 10.1080/17550912.2012.718670
- Coppedge M., et al. V-Dem Codebook v11.1 Varieties of Democracy (V-Dem) Project. *V-Dem*. 2021. Accessed 07.06.2021. URL: <https://www.v-dem.net/en/data/reference-material-v11/>
- Dahl R. *Democracy and its critics*. New Haven: Yale University Press, 1989. 397 p.
- Dahlum S., Knutsen C. Democracy by Demand? Reinvestigating the Effect of Self-expression Values on Political Regime Type. *British Journal of Political Science*. 2015. Vol. 47. No. 2. P. 437–461. DOI: 10.1017/S0007123415000447
- Fails M., Pierce H. Changing Mass Attitudes and Democratic Democracy by Demand? *Political Research Quarterly*. 2010. Vol. 63. No. 1. P. 174–187. DOI: 10.1177/1065912908327603
- Hansen M., Goenaga A. Gender and Democratic Attitudes: Do Women and Men Prioritize Different Democratic Institutions? *Politics & Gender*. 2019. Vol. 17. No. 1. P. 1–30. DOI: 10.1017/S1743923X19000473
- Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
- Kirsch H., Welzel C. Democracy Misunderstood: Authoritarian Notions of Democracy around the Globe. *Social Forces*. 2019. Vol. 98. No. 1. P. 59–92. DOI: 10.1093/sf/soy114

12. Kuran T. *Private Truths, Public Lies. The Social Consequences of Preference Falsification*. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 448 p. DOI: 10.2307/j.ctvt1sgqt
13. Levitsky S., Ziblatt D. *How Democracies Die*. New York: Broadway Books, 2018. 320 p.
14. Life in Transition Survey (LITS). 2021. *European Bank for Reconstruction and Development*. Accessed 10.06.2021. URL: <https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/lits.html>
15. Lipset S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *The American Political Science Review*. 1959. Vol. 53. No. 1. P. 69–105. DOI: 10.2307/1951731
16. Miller A., Hesli V., Reisinger W. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies. *British Journal of Political Science*. 1997. Vol. 27. No. 2. P. 157–190. DOI: 10.1017/S0007123497000100
17. Mounk Y. The Undemocratic Dilemma. *Journal of Democracy*. 2018. Vol. 29. No. 2. P. 98–112. DOI: 10.1353/jod.2018.0030
18. Moreno-Alvarez A., Welzel C. Enlightening people. *The civic culture transformed*. Ed. by R. Dalton, C. Welzel. N.Y.: Cambridge University Press, 2014. P. 59–90.
19. Muller E., Seligton M. Civil Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships. *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. No. 3. P. 635–652. DOI: 10.2307/2944800
20. Norris P. *Critical Citizens: Global Support for Democratic Government*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 320 p. DOI: 10.1093/0198295685.001.0001
21. North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 328 p. DOI: 10.1017/CBO9780511575839
22. Pennings P. When and where did the great recession erode the support of democracy? *Zeitschrift für vergleichende politikwissenschaft*. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 81–103. DOI: 10.1007/s12286-017-0337-x
23. Pop-Eleches G. Historical Legacies and Post-Communist Regime Change. *Journal of Politics*. 2007. Vol. 69. No. 4. P. 908–926. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00598.x
24. Pop-Eleches G., Tucker J. Communism's Shadow. Postcommunist Legacies, Values, and Behavior. *Comparative Politics*. 2011. Vol. 43. No. 4. P. 379–399. DOI: 10.5129/001041511796301588
25. Przeworski A. *Crises of Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 239 p. DOI: 10.1017/9781108671019
26. Treisman D. Economic Development and Democracy: Predispositions and Triggers. *Annual Review of Political Science*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 241–257. DOI: 10.1146/annurev-polisci-050718-043546
27. Van Reybrouck D. *Against Elections: The Case for Democracy*. N.Y.: Random House, 2016. 208 p.
28. Welzel C. *Freedom Rising/ Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 472 p. DOI: 10.1017/CBO9781139540919
29. Zagrebina A. Concepts of democracy in democratic and nondemocratic countries. *International Political Science Review*. 2020. Vol. 41. No. 2. P. 174–191. DOI: 10.1177/0192512118820716

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artyom O. Zemtsov — Teacher, Department of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences; Intern Researcher, Laboratory for Comparative Studies of Mass Consciousness of the Expert Institute, HSE University.
Phone: +7 (903) 543-78-27. **Email:** artyom.zemtsov@gmail.com

Received: 09.07.2021.